

УДК 811, 512.31
ББК 81.2 (2 Рос=Буря)

Жамьян Шарапович Санжанов,
соискатель,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: elo81@mail.ru

История исследования общественно-политической лексики бурятского языка

Статья посвящена истории исследования общественно-политической лексики бурятского языка и её неисследованной части – старомонгольской письменности. Изучение данной категории лексики имеет важное практическое значение для бурятского языка, так как в настоящее время существуют определённые трудности в формировании современной общественно-политической лексики, прежде всего в СМИ.

Анализ работ показал, что общественно-политическая лексика на старомонгольской письменности до сих пор находится вне поля научного исследования. Современная общественно-политическая лексика бурят начала формироваться на старомонгольской письменности в 20–30 гг. XX в., прежде всего, на страницах главной республиканской газеты «Buriyad-Monggul-un Ыnen».

Рассмотрение общих работ по лексике и обращение к общественно-политической лексике старомонгольской письменности позволит актуализировать интерес учёных к её исследованию. Более того, это будет способствовать введению данной лексики в научный оборот и её восстановлению в современном бурятском языке.

Ключевые слова: бурятский язык, старомонгольская письменность, общественно-политическая лексика.

Zhamyan Sharapovich Sanzhanov,
Doctoral Candidate,
Institute of Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: elo81@mail.ru

History of the Study of Social-Political Lexicon of the Buryat Language

The article is devoted to the history of the study of socio-political lexicon of the Buryat language and its unexplored part in the Old Mongolian script. The study of this lexicon is very important for the Buryat language, because currently there are certain difficulties in the formation of modern political lexicon, especially in the media.

Analysis of the works shows that socio-political lexicon in the old Mongolian written language has been out of the field of scientific research so far. Contemporary socio-political vocabulary of the Buryat language was founded in the Old Mongolian script in the 1920s–1930s, on the pages of the major national newspaper *Buriyad-Monggul-un Ыnen*.

Consideration of the general works on Buryat vocabulary and an appeal to socio-political lexicon in the Old Mongolian language will update the interest of scholars to its research. Moreover, it will contribute to the introduction of the lexicon into the scientific research and its restoration in the modern Buryat language.

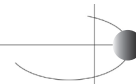
Keywords: Buryat language, Old Mongolian script, socio-political lexis.

Изучение данной лексики имеет важное практическое значение для бурятского языка, т. к. в настоящее время существуют определённые трудности в формировании современной общественно-политической лексики.

В рамках данной проблемы целесообразно проанализировать работы и исследования, проведённые в области изучения лексики бурятского языка XX в. Развитие современной лексики бурятского языка освещалось в работах Н. Н. Поппе, А. А. Дарбеевой, Т. А. Бертагаева, Ц. Б. Цыдендамбаева, У.-Ж. Ш. Дондукова, Л. Д. Шагдарова и др.

Непосредственно вопросами сложения новой терминологии в 1920-е гг. занимался учёный Бурятского Учёного комитета Г. Ц. Цыбиков совместно с учёными Монгольского Учёного комитета, учёным секретарем которого был Ц. Жамцарано [11, с. 215]. В 1927 г. Г. Ц. Цыбиков и Ц. Жамцарано организовали совместную комиссию при Монучкоме для согласования новых терминов [12, с. 136, 141]. В результате Буручком и Монучком совместно выработали и согласовали более 2000 неологизмов [11, с. 16].

Бурятская лексика 20–30-х гг. XX в. исследована в работе Н. Н. Поппе «Бурят-

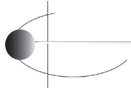

монгольское языкознание» (1933). Он рассматривает лексику бурят с точки зрения западного и восточного диалектов, которые «отличаются друг от друга преимущественно в области словаря и семантики, преимущественно со стороны своего содержания... Эти словарные различия касаются всех областей: они обнаруживаются не только в каких-нибудь специальных областях, например в специальной терминологии, но иногда и в самых простых словах» [7, с. 30]. Н. Поппе отмечает, что слова общественно-политической лексики восточных бурят «неизвестны западному, прежде всего специальные термины, относящиеся к области политики, администрации и т. д. Такие термины, как *angi* «класс», *korɛoo* «кооператив», *aza akui* «хозяйство», *zurgaan* «управление» и т. п., говорящим на западном наречии непонятны и известны только тем из них, кто знаком с монгольской письменностью или бывал на востоке» [7, с. 31]. Более того, Н. Н. Поппе рассматривает общественно-политическую лексику западного и восточного диалектов в сравнении с лексикой халха-монгольского языка и приходит к выводу, что «халхаский язык является весьма близким бурятскому, с восточным наречием которого, и особенно селенгинским, он имеет очень много общего», а «словарный запас западного наречия и халхаского языка совпадает лишь в незначительной степени; особенно велики расхождения в области политической, экономической и т. д. терминологии» [7, с. 31]. Этот вывод Н. Н. Поппе объясняет тем, что среди восточных бурят и халха-монголов, в отличие от западных бурят, были распространены государственно-административные отношения, экономические связи, буддийские монастыри, «способствовавшие распространению письменности изданием многочисленных книг», и монгольская письменность, на основе которой «создавалась самостоятельно терминология – политическая, административная и т. д.» [7, с. 32]. Н. Н. Поппе в своих выводах идёт ещё дальше и даёт следующее объяснение формированию общественно-политической и социально-экономической лексики бурятского языка: «кочевники-скотоводы восточной Бурятии уже давно оказались в условиях, аналогичных халхаским. Торговые сношения с Китаем и политические связи с Монголией создали у восточных бурят благодатную почву для возникновения соответствующей терминологии, остававшейся неизвестной западным бурятам, язык которых и без того никогда не представлял собою тождества с языком восточных бурят» [7, с. 32].

А. А. Дарбеева подробно рассматривает развитие бурятской лексики в 1920–1930-х гг., которая, по мнению автора, была ориентирована на халхаское наречие и на монгольский письменный язык. Она отмечает, что «бурятские лингвисты (Б. Б. Барадин, Г. Ц. Цыбиков, Г. Р. Ринчинэ и др.) руководствовались положением о существовании единого монгольского языка с единой письменностью при множестве диалектов, решили создать в содружестве с Монгольским Учёным комитетом единый общемонгольский литературный язык, который был бы понятен и халхасцам, и бурятам, и другим монгольским народам» [4, с. 14]. Она критически оценивает то, что в бурятском языке «наблюдается тенденция заменять интернационализмы и другие заимствования из русского языка толковыми переводами, например: аэроплан ‘агаарын онгосо’ (‘воздушное судно’); констатирует неудовлетворительное положение в лексике, особенно с терминами общественно-политического характера, поэтому Московская конференция по латинизации монгольской письменности в январе 1931 г. рекомендовала использовать международные и иноязычные термины в лексике. Для решения проблемы по созданию новой лексики была образована терминологическая комиссия. Исследователь пишет, что выпущенный данной комиссией на старомонгольской письменности первый терминологический словарь «не был популярным», поэтому был выпущен ряд терминологических словарей по отдельным отраслям знаний, публиковались бюллетени терминологической комиссии.

Ц. Б. Цыдендамбаев в отдельной главе своей фундаментальной работе «Бурятские исторические хроники и родословные» (1973) рассмотрел лексические особенности, своеобразие состава и употребления отдельных лексических групп, заимствованной лексики бурят [13]. Исследователь констатирует, что в 1920–1930 гг. развивается литературно-письменный язык, который характеризовался минимальными лексическими заимствованиями из русского языка и принятием новой общемонгольской лексики. Далее Ц. Б. Цыдендамбаев, подводя итоги развития старомонгольской письменности в Бурят-Монголии, отмечает, что «использование письменного монгольского языка бурятами к концу двадцатых годов текущего столетия пришло к такому финишу, что этот язык в Бурятии мало отличался от того же языка в Монголии» [13, с. 615–616].

Т. А. Бертагаев изучал лексику бурятского языка и других монгольских языков в описатель-

ном плане [1]. Он представил сравнительно-статистический анализ лексики бурятского языка; исследовал также основные типы сочетания слов и их роль в образовании терминов, особенности возникновения новой лексики в бурятском и монгольском языках, развивающихся в разных условиях [2]. В следующей своей работе автор в сравнительном аспекте описал способы и средства образования новой лексики в монгольских языках и осветил их теоретические основы [3]. Данная работа являлась, по существу, итоговой работой всех предыдущих работ, посвящённых лексике монгольских языков. Он отметил, что значительное место в создании новой лексики принадлежит сочетаниям слов, типы и виды которых недостаточно изучены, тем более и их роль в формировании новой лексики, несмотря на то, что их удельный вес в лексико-семантической системе монгольских языков значителен.

У.-Ж. Ш. Дондуков в своей работе «О развитии терминологии в бурятском языке» (1970) провёл исследование проблем развития лексики в бурятском языке и лексических заимствований из русского языка. Он обобщает опыт терминологической практики газеты «Буряад Үнэн», журнала «Байгал», Бурятского книжного издательства и анализирует процесс развития общественно-политической, сельскохозяйственной и научно-технической лексики в бурятском языке за советский период [5]; отмечает, что в это время в республике, по существу, не велась целенаправленная работа по разработке современной лексики, испытывалась острая потребность в её дальнейшей разработке, особенно в периодической печати. В своей следующей работе У.-Ж. Ш. Дондуков рассматривает основные экстралингвистические и интралингвистические пути развития, обогащения и обновления лексики монгольских языков, где представлены все способы и средства словообразования в современном их состоянии по данным бурятского, халха-монгольского и калмыцкого языков [6].

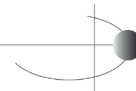
Л. Д. Шагдаров в своей работе «Становление единых норм бурятского языка в советскую эпоху» (1967) рассмотрел становление лексических норм бурятского литературного языка в советский период. Исследователь отмечает, что бурятский язык имеет несколько диалектов и множества говоров, поэтому унификация лексики находится в процессе, «наблюдается большой разноречивостью в употреблении, не упорядочена используемая в литературном языке диалектная лексика» [9, с. 5]. Исследователь рассматривает процесс сложения лексических норм бурятского языка и их изменение по периодам.

В первый период характерно использование письменного монгольского языка и ориентация литературного языка на халха-монгольский язык. Лексика письменного монгольского языка стала основой литературного бурятского. В это время появляется новая общественно-политическая, социально-экономическая и материально-бытовая лексика. Интенсивное развитие лексики происходит посредством аффиксального, лексико-семантического, лексико-синтаксического, морфолого-синтаксического способов словообразования. По сравнению с дореволюционным периодом существенно уменьшились заимствования и кальки из русского языка. Характерной особенностью данного периода является то, что новая лексика была общей для бурят и халха-монгольского литературных языков. В результате образовался общий лексический фонд в данных языках.

Второй период характеризуется развитием лексики на хоринской диалектной основе, переходом на кириллицу, проникновением множества заимствований из русского языка, вытеснением лексики письменного монгольского языка, заменой их интернационализмами, советизмами, русизмами. В результате с 1936–1940 гг. в бурятском литературном языке были заменены целые пласты лексики. С этого времени бурятский язык «отрывается» от монгольского литературного языка [9, с. 71-85].

Исследователь в следующей работе «Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка» (1974) рассмотрел историю развития литературного языка, становление его функциональных стилей, сложение их в систему. В отдельной главе исследователем была освещена стилистическая характеристика лексики бурятского языка. Он отмечает, что лексика литературного языка стилистически дифференцирована, «подразделяется на нейтральные, или общеупотребительные, слова и на стилистически дифференцированные слова, ограниченные в своём употреблении» [10, с. 99].

Таким образом, анализ работ показал, что общественно-политическая лексика бурят недостаточно исследована, прежде всего, на материале газет, издававшихся на старомонгольской письменности. Нам представляется актуальным и целесообразным исследовать главную республиканскую газету «Buriyad-Monggul-un Ынэн», издававшуюся на старомонгольской письменности с 1923 по 1936 гг., позже переименованную в 1958 г. в газету «Буряад Үнэн». Именно через её страницы новая общественно-политическая лексика широко проникала в бурятский язык.

Следует отметить, что в бурятском языке использовалась общемонгольская общественно-политическая лексика, характерная как для бурятского, халха-монгольского языков, так и для старомонгольской письменности. В настоящее время данная лексика недостаточно используется в современном бурятском языке, в частности в словарях со-

ветского периода. Однако она широко представлена в языке бурят Внутренней Монголии и Монголии и даже приобрела более современные дефиниции [8; 14]. В связи с этим представляется актуальным исследование общественно-политической лексики на материалах СМИ, что будет способствовать дальнейшему её развитию.

Список литературы

1. Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961. 158 с.
2. Бертагаев Т. А. Сочетание слов и современная терминология. М.: Наука, 1971. 149 с.
3. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). М.: Наука, 1974. 383 с.
4. Дарбеева А. А. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М.: Наука, 1969. 151 с.
5. Дондуков У-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 79 с.
6. Дондуков У-Ж. Ш. Словообразование в монгольских языках. Улан-Удэ, 1993. 193 с.
7. Поппе Н. Н. Бурят-монгольское языкознание. Л.: Академия наук СССР, 1933. 119 с.
8. Санжанов Ж. Ш. Общественно-политическая лексика в исторической хронике Бодонгууд Абиды "Buriyad monggul-un tobci teuke" 'Краткая история бурят-монголов' // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII регион. конф. Уфа, 2012. С. 132-133.
9. Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 107 с.
10. Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 346 с.
11. Цыбиков Г. Ц. Монгольская письменность как орудие национальной культуры. Верхнеудинск, 1928. 17 с.
12. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука, 1981. 240 с.
13. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
14. Санжанов Ж. Ш. 1920-иод оны буриад аялгууны үгийн сангийн хөгжил («Buriyad-Monggul-un ʙnen» сонины жишээгээр)// Монголын утга соёлын үнэлэмжид Д. Равжаа судлалын эзлэх байр. Улаанбаатар, 2013. С. 179-186.

References

1. Bertagaev T. A. K issledovaniju leksiki mongol'skih jazykov. Ulan-Udje, 1961. 158 s.
2. Bertagaev T. A. Sochetanie slov i sovremennaja terminologija. M.: Nauka, 1971. 149 s.
3. Bertagaev T. A. Leksika sovremennyh mongol'skih literaturnyh jazykov (na materiale mongol'skogo i burjatskogo jazykov). M.: Nauka, 1974. 383 s.
4. Darbeeva A. A. Razvitie obshhestvennyh funkcij mongol'skih jazykov v sovetskuju jepohu. M.: Nauka, 1969. 151 s.
5. Dondukov U-Zh. Sh. O razvitii terminologii v burjatskom jazyke. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1970. 79 s.
6. Dondukov U-Zh. Sh. Slovoobrazovanie v mongol'skih jazykah. Ulan-Udje, 1993. 193 s.
7. Poppe N. N. Burjat-mongol'skoe jazykoznanie. L.: Akademija nauk SSSR, 1933. 119 s.
8. Sanzhanov Zh. Sh. Obshhestvenno-politicheskaja leksika v istoricheskoi hronike Bodonguud Abidy "Buriyad monggul-un tobci teuke" 'Kratkaja istorija burjat-mongolov' // Aktual'nye problemy dialektologii jazykov narodov Rossii: Materialy XII region. konf. Ufa, 2012. S. 132-133.
9. Shagdarov L. D. Stanovlenie edinyh norm burjatskogo literaturnogo jazyka v sovetskuju jepohu. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1967. 107 s.
10. Shagdarov L. D. Funkcional'no-stilisticheskaja differenciacija burjatskogo literaturnogo jazyka. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1974. 346 s.
11. Cybikov G. C. Mongol'skaja pis'mennost' kak orudie nacional'noj kul'tury. Verhneudinsk, 1928. 17 s.
12. Cybikov G. C. Izbrannye trudy. T. 2. O Central'nom Tibete, Mongolii i Burjatii. Novosibirsk: Nauka, 1981. 240 s.
13. Cydendambaev C. B. Burjatskie istoricheskie hroniki i rodoslovnye. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1972. 662 s.
14. Sanzhanov Zh. Sh. 1920-iod ony buriad ajalguuny ygijn sangijn hegzhil («Buriyad-Monggul-un "nen» soniny zhishhejgejer)// Mongolyn utga sojolyn ynjeljemzhid D. Ravzhaa sudlalyn jezljeh bajr. Ulaanbaatar, 2013. S. 179-186.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2013 г.